

Чурикова И.

III - 1989

Издана - 1989 -
13-19 марта - № 11,
культура:
- с. 22
личное мнение

Инна
ЧУРИКОВА.
актриса:

Сильные, переворачивающие душу чувства вызывает только одна, если так можно сказать, тема: Афганистан. Чувства эти — боль и стыд. Именно это я испытывала в течение всех десяти лет; пока шла афганская война, — с того дня, как услышала сообщение о «вводе ограниченного контингента советских войск, выполняющих свой интернациональный долг» до нынешнего 15 февраля, когда последний наш солдат покинул территорию Афганистана, хотя это был и не солдат, а генерал-лейтенант Громов.

Боль — за наших мальчиков, их родных и близких. Посмотрите на кадры хроники — они ведь совсем еще дети, эти наши воины-интернационалисты: юношеские лица, молодые глаза... Боль за афганский народ, на землю которого пришла война.

Стыд — потому, что я чувствую и свою причастность к ней, ибо являюсь гражданином нашей страны. Стыд — за невозможность что-либо исправить, хоть как-то помочь, хоть кого-то утешить, потому что утешения нет...

Стыд и боль вместе — за то, что никто не объяснил нашим мальчикам простую истину: нельзя стать героем на чужой земле, даже если ты совершаешь очень мужественные поступки. Русский солдат вошел в сознание миллионов людей во всем мире как солдат-освободитель, спасший Европу, а может быть, и весь мир от фашизма.

Кто же и зачем, ради какой высшей цели посмел изменить облик русского солдата, несшего мир, а не войну?

Страшнее всего мысль о том, что никаких высших-то целей и не было, а были какие-нибудь политиканские интересы находившихся в то время у власти людей. Я убеждена: скоро мы узнаем всю правду об Афганистане. Слава богу, что все это закончилось, но точки еще не поставлены, — никто не имеет права их ставить, пока мы не услышим ответ на вопрос: кто искалечил судьбы и души целого поколения наших мальчишек. У них обожженные войной, закаленные ли-

ца, но тем непереносимее в них вглядываться, потому что они — дети...

Какое это все имеет отношение к художественной жизни, к искусству?

Счастье, что на нас не обрушился привычный поток немедленных художественных «откликов на тему» — прежние, «доперестроечные», официозные сочинения вроде «Дерева в центре Кабула» не в счет. Я имею в виду не газетные и журнальные статьи и репортажи, а художественные произведения. Пока меня это солидарное молчание радует — значит, есть совесть, значит, эти стыд и боль — не только мои чувства. Но все же, в конце концов, серьезные, крупные, сочувливые и тонко чувствующие художники пройти мимо афганской темы не могут. Это относится к живописи и к музыке, к театру и литературе, скульптуре и кинематографу.

Я вот знаю, что серьезный сценарий написан довольно давно. Глебом Панфиловым, но фильм — это не стихи и не повесть, которые можно написать, будучи предельно искренним, и положить «в стол» до лучших времен; фильм — это еще и производство. И хотя именно у Панфилова много исключений из правил — снятая «Жанна д'Арк» или снятая практически в стол «Тема», — все же это нетипично. Зато я не исключаю возможности того, что у какого-нибудь честного и талантливого писателя в столе лежит рукопись, написанная еще тогда, когда нечего было и надеяться на публикацию...

Сейчас в обиход вновь входят давно забытые слова и понятия: сострадание, милосердие. Об этом — документальный фильм «Прикосновение» режиссера Альгиса Арлаускаса. Герой фильма — Саша Суворов, святой человек, удивительная личность. Всего себя он отдает детям в детском доме. Он говорит поразительную вещь: «Эти дети существуют для того, чтобы мы были людьми». Любовь, милосердие, сострадание — вот истинное призвание искусства.